

Цзи Шэньюй присматривал за магазином Юй Сяоци, а вернувшись домой, до самого вечера с нетерпением ждал возможности сжечь ритуальные бумаги. Но Цзян Цайвэй не вернулась вовремя, и он прождал у каменного стола до половины девятого.

Дин Ханьбай провозился в мастерской, а когда выключил свет и запер дверь, прошел из южного флигеля в северный и увидел, что Цзи Шэньюй всё еще ждет. Принял душ — Цзи Шэньюй всё еще ждет. Ушел в кабинет рисовать до одиннадцати ночи, а когда собрался спать, обнаружил, что Цзи Шэньюй всё еще на посту.

Он не выдержал:

— Вы что, договорились сжигать бумаги среди ночи? Смелые вы ребята.

Цзи Шэньюй ответил:

— Тетя еще не вернулась. Она сказала, что в редакции завал.

Тут уже Дин Ханьбай заволновался за Цзян Цайвэй. Схватил ключи от машины, собираясь ехать за ней, но перед самым выходом получил звонок. Вернувшись в дом, он сказал:

— Тетя позвонила, говорит, что слишком устала, осталась ночевать в общежитии, не придет.

Лампа горела слишком ярко, и разочарование Цзи Шэньюя невозможно было скрыть. Дин Ханьбай застыл в дверях, словно рекламный стенд. Если бы Цзи Шэньюй попросил его отвезти, он бы, так и быть, съездил, но сам предлагать не хотел.

Кто на работе не устает? С какой стати ему быть на подхвате и навязываться?

— Старший брат, ты не мог бы... — начал Цзи Шэньюй, — не мог бы одолжить мне ключи от велосипеда? Я сам найду какой-нибудь перекресток, сожгу бумаги и быстро вернусь.

Дин Ханьбай соврал:

— Шины проколоты. Может, поедешь на машине? — Он удивлялся, почему этот человек вечно идет наперекор его ходу мыслей.

Цзи Шэньюю по лунному календарю семнадцать, какая там машина? В конце концов он спросил:

— Ты согласишься отвезти меня?

Двадцать минут спустя Дин Ханьбай привез Цзи Шэньюя к перекрестку, где не дежурила дорожная полиция. В это время прохожих почти не было. Под уличным фонарем они достали желтую бумагу и золотые слитки, подожгли и склонились над огнем, словно греясь у костра.

Глаза Цзи Шэньюя неестественно блестели, но взгляд был немного остекленевшим, отрешенным.

— Папа, — позвал он, а закончив, долго молчал. — Я скучаю по тебе, но ничего не могу поделать. В Янчжоу у меня больше нет дома. Не вини меня.

Дин Ханьбай старательно подкладывал бумажные слитки:

— Мастер Цзи, у меня дома ему хорошо, не волнуйтесь.

Цзи Шэньюй сказал лишь эту фразу, а потом смотрел, как огонь превращается в пепел. Он не был человеком, привыкшим выплескивать чувства, и, совершая обряд под открытым небом на глазах у другого, не мог произнести большего, лишь молча надеялся, что Цзи Фансюй его услышит.

Когда всё догорело и они прибрались, в салоне машины их окутал полумрак. Дин Ханьбай чутко уловил, как Цзи Шэньюй шмыгнул носом.

Плачет? — подумал он.

Прошло несколько тихих мгновений. Цзи Шэньюй посмотрел на него: щеки сухие, глаза влажные, он изо всех сил сдерживал слезы. Он отстегнул ремень безопасности, слегка повернулся к нему и спросил:

— Можно тебя обнять?

Цзи Шэньюй, снаружи твердый, внутри был уязвим:

— Чего обниматься? Просто бумаги сожгли, не похороны же.

Отказ следовал за отказом, и Дин Ханьбай, чье терпение иссякло, швырнул ключи от машины на консоль:

— А я всё равно обниму! — Он длинными руками притянул Цзи Шэньюя к себе, прижал к груди, придерживая за затылок. Кончик носа Цзи Шэньюя ткнулся ему в подбородок, холодный, а губы едва коснулись шеи — все такие же мягкие.

Цзи Шэньюй не мог вырваться, ругался, называя его психом и негодяем, повторяя лишь эти два слова.

В конце концов он устал, опустил руки и закрыл глаза. Прошептал: спасибо.

Дин Ханьбай должен был ответить не стоит, но вдруг разгорячился и зачем-то сказал: ничего страшного.

Приближалось начало занятий, и Дин Яньшоу разрешил Цзи Шэньюю еще несколько дней погулять, не помогая в Юй Сяоцзи. Дин Эрхэ и Дин Кэюй вызвались взять работу на себя, пообещав приглядывать за делами. Цзи Шэньюй успокоился — иначе эти двое братьев злились бы еще больше.

— Уходишь? — спросил Дин Ханьбай перед уходом на работу.

Цзи Шэньюй кивнул: он собирался навестить Лян Хэчэна.

Дин Ханьбай понял его превратно:

— Не ввязывайся в неприятности с однокурсниками, просто поешьте-попейте и всё.

Когда домашние разошлись, Цзи Шэньюй пробрался на кухню, сварил суп и с полными сумками направился в переулок Мяоань. В прошлый раз он привел маленький дворик в порядок, а сегодня, придя снова, увидел, что Лян Хэчэн делает тайцзицюань, правда, движения были вялыми и слабыми.

— Учитель, духом вы бодры. — Он по привычке принялся прибираться, а когда разливал суп, спросил: — Учитель, вы используете чашу с желтой глазурью и гравированным узором дракона или чашу с росписью фэньцай и девятью персиками?

Лян Хэчэн расхохотался:

— Брось, не надо меня подкалывать.

Цзи Шэньюй налил суп в чашу с персиками:

— Разве вы не выставили их, чтобы я посмотрел? А если посмотрел, разве не должны проверить? Не сдам — будете учить.

Лян Хэчэн не скупился на похвалы, ему был по душе и свежий суп, и смысленный ученик. Выпив, он спросил:

— Почему я выбрал для вопроса именно эти две чаши?

Цзи Шэньюй ответил:

— У чаши с драконами края отогнуты наружу, угол мал, уловить его трудно, легко допустить огрех; узор двух драконов, гонящихся за жемчужиной, сложен, гравировка неглубокая, поэтому процент брака высок. А на той, что с фэньцай, роспись и снаружи, и внутри, малейшее отклонение в рисунке — и вещь испорчена.

Эти две чаши представляли два вида высочайшей сложности: одна с гравировкой, другая с росписью. Лян Хэчэн не смог завалить Цзи Шэньюя, отставил чашу и снова принялся за тайцзицюань — возможно, от радости в кулаках даже появилась сила.

Цзи Шэньюй с нетерпением ждал уроков, еще до прихода составил список, о чем нужно спросить. Но Лян Хэчэн не спешил, он хотел увидеть мастерство резьбы по камню.

Цзи Шэньюй сам стал учителем:

— Это куриная кровь, я хочу вырезать печать.

Лян Хэчэн спросил:

— Что тебе больше нравится: создавать антиквариат или заниматься резьбой?

Цзи Шэньюй задумался:

— В создании антиквариата много этапов, это интереснее, чем резьба, но это лишь простое копирование. А резьба требует собственной композиции. Пожалуй, они стоят друг друга. — Ответив, он присмотрелся к одной из ваз: — Учитель, какая ваша работа самая удачная?

После того как у Лян Хэчэна обнаружили рак, он почти ничего не делал, полмесяца пролежал дома, пребывая в забытии. Мастерство некому передать, в больнице он чувствовал себя одиноким и несчастным, отчего погружался в забытие еще глубже. Позже подумал: все равно жить осталось недолго, надо оставить после себя хоть пару удачных работ. Так, собрав силы, он создал эту вазу с узором Сто долголетий.

Когда нужны были деньги, он брал из комнаты вещь и сбывал её, не обманывая покупателя, продавая по цене имитации. Кто бы мог подумать, что он встретит Цзи Шэньюя — судьба, а может, небо сжалилось над ним, и он подарил вазу Цзи Шэньюю.

Цзи Шэньюй спросил:

— Вы говорили, что Слепой Чжан вряд ли отличит подделку. Кто такой Слепой Чжан?

Лян Хэчэн понизил голос:

— Это твой учитель, мой заклятый враг. Он слепой, а я Шестипалый...

Цзи Шэньюй рассмеялся:

— Это вы его ослепили?

Эта новоиспеченная пара учителя и ученика не занималась делом, а сидела друг напротив друга, пила суп и бесконечно болтала, то и дело раздражаясь смехом. Но у кого-то радость, а у

кого-то печаль: Дин Ханьбай собирался к Чжан Сыняню, но перед самым уходом был отправлен Чжан Инем в командировку.

В соседнем городе нашли небольшую гробницу, его отправили на встречу с местным управлением по делам культурного наследия, всего на день или два.

Дин Ханьбай вернулся домой собирать вещи. Едва войдя в передний двор, почувствовал аромат — это Цзян Шулю готовила на кухне. Почему она готовит посреди утра? Он проследовал за ней в спальню. Мать зашла в комнату Цзян Цайвэй, он тоже вошел, напугав обеих сестер.

Цзян Цайвэй была бледной, уголок губ разбит, но она выдавила улыбку.

Дин Ханьбай спросил:

— Отгул? Плохо себя чувствуешь?

Цзян Шулю ответила за сестру:

— Да. А ты чего вернулся?

— Собираю вещи, ухожу из дома, через пару дней вернусь, — сказал Дин Ханьбай, направляясь к выходу. Мать даже не обратила внимания на его слова. Цзян Шулю сидела на кровати, кормила Цзян Цайвэй, останавливаясь, чтобы вытереть ей слезы.

— Не бойся, — Цзян Шулю заплакала сама. — Я тебя утешаю, а у самой сердце в пятки уходит...

Цзян Цайвэй бросилась в объятия сестры:

— Сестра, у меня раны болят...

Раздался грохот. Дин Ханьбай, услышав достаточно, ворвался в комнату, подбежал к кровати и присел на корточки перед Цзян Цайвэй:

— Тетя, ты вчера поздно вернулась с работы, что-то случилось?

Цзян Цайвэй молчала, и он вскричал:

— Какой толк говорить только маме? Вы будете обниматься и плакать, и это поможет? Скажи мне, кто тебя обидел, я разберусь! Что это за раны?!

Вчера Цзян Цайвэй задержалась, а поскольку она беспокоилась, что нужно сопровождать Цзи Шэньюя на обряд, пошла через переулок и столкнулась с хулиганами. При попытке сопротивления её избили, к счастью, её крики услышал проходящий мимо коллега, и она

спаслась. Ночь она провела у него, а вернувшись утром, рассказала только Цзян Шулю.

Дин Ханьбай резко поднялся, придя в ярость. Увидев, что Цзян Цайвэй сильно плачет, он заставил себя успокоиться и сказал:

— Тетя, отдохни. Когда придешь в себя и когда я вернусь, расскажешь мне все подробности. Это дело так не закончится.

Цзян Шулю спросила:

— Не делай глупостей, что ты задумал?

Дин Ханьбай ответил прямо:

— Там рядом редакция и школа. Вдруг кто-то уже сталкивался с ними раньше? Если оставить как есть, пострадают другие девушки. Не знал — одно дело, а раз узнал, нельзя делать вид, что ничего не происходит.

Сказав это, он пошел собирать вещи. Цзян Цайвэй не успела его остановить, попросила Цзян Шулю. Она боялась не того, что об этом узнают, а того, что Дин Ханьбай влипнет в историю.

Цзян Шулю не двинулась с места, снова взяв миску с едой:

— Пусть идет. Если он один не справится, позовет Эрхэ и Кэюя, еще Тинэня и Шэньюя. В доме столько парней, неужели не справятся с одним паршивым хулиганом?

Когда Цзи Шэньюй вернулся, Дин Ханьбай уже уехал. Он оставил записку, чтобы тот прибрался в мастерской. Цзи Шэньюй, ухватившись за шанс, тут же вошел внутрь и принялся с интересом осматриваться.

Шкафы были забиты материалами, разложенными по сортам, лежали и незаконченные вещи — все то, что Дин Ханьбай не успел закончить. Цзи Шэньюй открыл деревянную шкатулку, внутри аккуратно лежали восемь нефритовых пластин с многослойной резьбой, изображающей жизненные истории. На пятисантиметровых пластинах все было прорисовано детально: и торговцы, и павильоны, линии тоньше волоса. Даже если бы у него хватило терпения, он не достиг бы такого уровня.

Закончив уборку, Цзи Шэньюй придирчиво осмотрел мастерскую. Запирая дверь, он услышал грохот: Цзян Тинэнь снова сбил бамбук, который недавно опрокинул Дин Ханьбай.

— Цзи Жемчужина!

Цзи Шэньюй уже привык к этому прозвищу и невозмутимо посмотрел на него.

Цзян Тинэнь подскочил:

— Я искал тетю, чтобы она проверила домашку, а она спит и не пускает меня в комнату. Потом старшая тетя отругала меня и запретила беспокоить младшую тетю эти два дня.

Цзи Шэньюй забеспокоился:

— Тетя заболела?

Цзян Тинэнь сказал:

— Если заболела, тем более нужен уход. Раньше она, если болела, меня заставляла ухаживать.
— Он замолчал. — Мне кажется, она уже в том возрасте... Может, она влюбилась и забеременела вне брака? Хотя я не слышал, чтобы у неё кто-то был...

Цзи Шэньюй выругался:

— Ты больной? Ведешь себя как дурак!

Цзян Тинэнь был как флюгер: когда Дин Ханьбай был дома, он во всем его слушался, а стоило тому уехать, как он шел за любым, кто его подговорит. Стоило ему самому что-то проанализировать, как его тут же отчитывали.

На следующее утро Цзи Шэньюй встал спозаранку и прождал во дворе целых два часа, прежде чем появилась Цзян Цайвэй. Сердце его сжалось: он думал, она просто неважно себя чувствует, но почему у неё на лице раны?

— Шэньюй? — Цзян Цайвэй замялась. — Что-то случилось?

Цзи Шэньюй сказал:

— У меня есть кусок куриной крови, хочу сделать для тебя вещь. Что ты хочешь: браслет или цепочку?

Цзян Цайвэй ответила браслет и ушла в комнату. Цзи Шэньюй не решился пойти следом, но заметил, что она прихрамывает, и не смог уйти. Бросился к ней:

— Тетя, что с тобой случилось?

Цзян Тинэнь выскочил из соседней комнаты с голым торсом:

— Младшая тетя, ты хочешь меня до смерти напугать!

Цзян Цайвэй не была по-настоящему изнасилована, поэтому считала, что даже если поймать хулигана, сурово наказать его не выйдет. Но сейчас они оба смотрели на неё, как будто у них

были радары. Она не стала больше скрывать и рассказала обо всем.

В комнате раздался грохот — Цзян Тинэнь в ярости сбил несколько предметов, а Цзи Шэньюй, стоя у кровати, с чувством вины произнес:

— Прости, это я виноват, что заставил тебя идти со мной сжигать бумаги, иначе...

Цзян Цайвэй перебила:

— Глупо искать виноватых. Никто не виноват, виноват только этот хулиган.

Вскоре об этом узнала вся семья, даже отец Цзян Тинэня, Цзян Сюньчжу, пришел проводить младшую сестру. Старшие столпились в спальне, а четверо младших сидели у каменного стола во дворе, издавдала напоминая игроков в маджонг.

Дин Эрхэ, самый старший, сказал:

— В переулке темно, вряд ли можно было разглядеть лицо хулигана.

Цзян Тинэнь спросил:

— Тогда как его поймать? Как узнать, кто это?

Дин Кэюй сказал:

— Хулиган тоже нас не разглядит.

Цзи Шэньюй молча слушал, понимая, что они предлагают выманить хулигана. Звучит абсурдно, но лучшего способа нет. Если удастся выманить того самого — хорошо, если другого — тоже не помешает.

Но вопрос: кто будет приманкой и как?

Он уставился в стол, размышляя, и вдруг почувствовал тишину. Поднял голову и увидел, что все трое смотрят на него. Он не был близок со вторым и третьим братьями, поэтому спросил Цзян Тинэня:

— На что ты смотришь?

Цзян Тинэнь замялся:

— Они оба смотрят на тебя, и я смотрю...

Цзи Шэньюй встретился взглядом с Дин Кэюем, смысл был ясен. Дин Кэюй прямо сказал:

— Я думаю так: использовать девушек в качестве приманки опасно, к тому же, кроме тети, в доме девушек нет. Значит, парень должен переодеться в девушку. Младший брат, ты лучше всех подходишь.

Цзи Шэньюй сказал:

— Ты сам белокожий, и местность знаешь лучше меня, ты подходишь больше. — Он пнул Цзян Тинэня под столом, и тот согласно закивал.

— Где мне до твоей белизны, да и ростом я такой, что хулиган не рискнет напасть. — Дин Кэюй уставился на Цзян Тинэня, и тот закивал с новой силой. Дин Эрхэ сказал: — Шэньюй, тетя пострадала, потому что спешила домой, чтобы проводить тебя. Если ты пожертвуешь собой и поймаешь хулигана...

У Цзи Шэньюя не нашлось аргументов. Он и так чувствовал вину, боясь, что Цзян Цайвэй хоть и молчит, но в душе винит его. Слова Дин Эрхэ попали в точку, и он не посмел отказаться.

Четверка начала готовиться. Инструменты для резьбы могли послужить оружием, Цзян Тинэнь прихватил кусок камня тяньхуан, который был тяжелее кирпича. План был прост: после наступления темноты Цзи Шэньюй должен ходить по переулку, а остальные — прятаться в засаде.

Цзи Шэньюй вышел во двор, дождался, пока все уйдут, и пошел к Цзян Цайвэй. Она вязала перчатки — то ли чтобы отвлечься, то ли от бессонницы. Вязала для него. Он готов был убить того хулигана.

Он не стал задерживаться, лишь спросил о внешности, росте, голосе, были ли инструменты. К сожалению, Цзян Цайвэй была в таком ужасе, что ничего не запомнила. Он ушел, ни слова не сказав о ночном плане.

Четверка поужинала и вышла из дома. Дин Эрхэ вел машину, Дин Кэюй и Цзян Тинэнь зажали Цзи Шэньюя на заднем сиденье. Даже если они не всегда ладили, им было всего по восемнадцать-девятнадцать лет, и они быстро забывали обиды.

Цзи Шэньюй был в длинном платье, взятом Дин Кэюем в фотостудии, под ним шорты, сверху рубашка, на голове парик. Дин Кэюй обнял его:

— Младший брат, у тебя грудь такая плоская, хулиган поведется?

Цзи Шэньюй в парике весь взмок:

— Там темно, он что, разглядит, плоская она или нет?

Машина остановилась у обочины. Когда совсем стемнело, Цзи Шэньюй в одиночку вошел в переулок и начал прохаживаться. Это требовало терпения. Если хулиган не появится сегодня,

они придут завтра.

Остальные трое ждали в машине, время от времени кто-то из них выходил, чтобы проверить обстановку, но не приближались слишком близко. К одиннадцати часам Цзян Тинэнь начал зевать, прислонившись к двери машины.

Через полчаса Дин Кэюй тоже захотел спать, в животе заурчало. Они решили не ждать больше, вышли из машины, чтобы перекусить, заодно прихватив что-нибудь для Цзи Шэньюя.

Дома уже собирались гасить свет. Дин Яньшоу выключил прожектор на стене, обернулся и услышал стук в ворота. Железные ворота издали громкий звук, но вернувшийся из командировки Дин Ханьбай шумел еще сильнее:

— Вы чего стоите посреди ночи! Напугали до смерти!

Дин Яньшоу спросил:

— Что за командировка такая, один день и одна ночь?

Дин Ханьбай не слушал отца. Он не находил себе места, все думал, лучше ли стало Цзян Цайвэй, и чувствовал, что вот-вот что-то случится, поэтому поспешил домой. Сначала зашел в передний двор проверить тетю, расспросил о том вечере.

Цзян Цайвэй впервые за долгое время улыбнулась:

— Сегодня Шэньюй тоже спрашивал об этом, слово в слово.

Дин Ханьбай спросил:

— Они все знают?

Во дворе было темно. Дин Ханьбай обнаружил, что Цзи Шэньюя нет, зашел в восточный флигель — нет и братьев. Раз они расспрашивали, значит, решили поймать хулигана. Он тут же взял такси и поехал к переулку, чувствуя, что эта компания — затея ненадежная.

Цзи Шэньюй кружил уже несколько часов, ноги гудели. Он стоял, прислонившись к стене, и напрягал слух на каждый шорох. Снова дошел до конца переулка, за поворотом была глухая улица. Он направился к выходу, удивляясь, почему трое других так долго не появляются.

Ветер колыхнул подол платья, он чуть не споткнулся, поправил осанку, чтобы выглядеть как девушка. В этот миг из узкого проулка сбоку вытянулись руки, обхватили его, сдавили грудь и потащили внутрь.

Влажная ладонь плотно закрыла ему рот, обхватили за пояс. Он понял, что их двое.

Цзи Шэньюй изо всех сил сопротивлялся, пнул одного, но тут же получил пощечину. Парик сбился, платье задрали. Он украдкой вытащил из кармана маленький нож для резьбы.

— Черт! Это мужик?!

Хулиган, сжимавший грудь Цзи Шэньюя, разжал руки и прошипел. Второй потянулся проверить, убрал руку с его рта и полез ощупывать ноги. Цзи Шэньюй вскрикнул:

— Старший брат... Старший брат...

Раздался хлопок дверцы такси. Дин Ханьбай увидел машину, но она была пуста. Он бросился в переулочек, издав издали слышимый шорох одежды и ругань двух мужчин.

— Мужик в платье разгуливает?! Зад чешется? Вот же мерзость!

Цзи Шэньюй принимал удары, когда его схватили за пах. Он в панике дернулся, сжал нож и со всей силы ударил.

— Цзи Жемчужина!

Он слышал это — так близко, так знакомо.

У Дин Ханьбая вздулись вены на лбу. В тот же миг из переулка донеслись два вопля.

Цзи Шэньюй рухнул на землю, от боли пот градом катился по лицу.

Глаза затуманились, он даже не видел, как кто-то ворвался внутрь. Лишь когда рядом зазвучали удары и послышались мольбы о пощаде, он понял, что кто-то пришел на помощь.

— Старший брат... — его голос был едва слышен.

Дин Ханьбай избивал одного хулигана, второй уже давно стонал на земле. Услышав голос Цзи Шэньюя, он больше ни на что не отвлекался, подскочил к нему и схватил за плечи, пытаясь поднять.

Цзи Шэньюй охнул от боли и снова повалился на бок. Дин Ханьбай присел на корточки, взволнованно спрашивая:

— Где рана?! Кровь есть?!

Он подхватил Цзи Шэньюя за поясницу, заставляя встать, но тот даже стоя сгибался пополам, шатаясь, готовый снова упасть.

<http://bllate.org/book/19144/1880224>